

УДК 947

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/53/71>

«СТРАСТИ ПО ОКТЯБРЮ»: РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА НА БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

©Протасова О. Л., ORCID: 0000-0002-0120-6380, SPIN-код: 3562-1950, канд. ист. наук,
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Россия, olia.protasowa2011@yandex.ru

“PASSIONS ON OCTOBER”: REACTION OF RUSSIAN DEMOCRATIC SOCIALISM ON THE BOLSHEVIK COUP

©Protasova O., SPIN-code: 3562-1950, ORCID: 0000-0002-0120-6380, Ph.D., Tambov State
Technical University, Tambov, Russia, olia.protasowa2011@yandex.ru

Аннотация. Доказательством актуальности тематики данной статьи могут послужить общие тенденции мировой политики как прошлого, так и настоящего: в государствах с нестабильной общественно–политической структурой, отсутствием устойчивых демократических принципов и традиций, недостатком легитимности власти всегда велик риск системного переворота, как правило, сопряженного с социальной деструкцией, человеческими бедствиями и даже жертвами. Умение предвидеть и предотвратить подобные катаклизмы, обеспечить надежность государственного организма — искусство, которым должны владеть политические элиты. Окончившийся неудачей опыт демократической республики в России краткого периода от февраля к октябрю 1917 г. — яркое тому подтверждение. Целью исследования является емкая иллюстрация реакции на большевистский переворот партий демократического социализма (эсеров, народных социалистов и меньшевиков), лидеры которых были широко представлены в органах государственной власти и местного самоуправления, а также выявление общего и особенного в их отношении к октябрьскому перевороту и его акторам. В статье собраны и прокомментированы самые первые, наиболее оперативные отклики лидеров российских партий демократического социализма на событие 25 октября 1917 г. Показано, что активисты демократических сил отнеслись к нему однозначно негативно, объясняя успех большевиков беспринципностью и страстью властвовать, умением манипулировать настроениями малограмотных масс, а свой собственный провал, помимо объективных факторов войны и социальной аномии, — несогласованностью и недальновидностью, политическим рефлексированием и недостатком управленческого опыта в государственном масштабе. Делается вывод, что, при всенародном одобрении начинаний Февральской революции и популярности ряда ее вождей, в целом государственная власть, став легальной, не обрела должной степени легитимности, чтобы заручиться поддержкой масс для успешного противостояния ее захватчикам.

Abstract. General trends in world politics, both past and present, can serve as proof of the relevance of this article: in States with unstable socio–political structure, lack of stable democratic principles and traditions, lack of legitimacy of power, there is always a high risk of a systemic upheaval, usually associated with social destruction, human disasters, and even victims. The ability to anticipate and prevent such systemic disasters, to ensure the reliability of the state body — an art

that should be mastered by political elites. The failed experience of the democratic Republic in Russia during the brief period from February to October 1917 is a clear confirmation of this. The purpose of the study is to provide a succinct illustration of the reaction to the Bolshevik revolution of the parties of democratic socialism (social revolutionaries, people's socialists, and Mensheviks), whose leaders were widely represented in state and local government bodies, as well as to identify the General and special in their attitude to the October revolution and its actors. The article collects and comments on the first and most prompt responses of the leaders of the Russian parties of democratic socialism to the event of October 25, 1917. It is shown that the activists of the democratic forces reacted to it unambiguously negatively, explaining the success of the Bolsheviks as unscrupulousness and passion to rule, the ability to manipulate the moods of the illiterate masses, and their own failure, in addition to the objective factors of war and social anomie, as inconsistency and short-sightedness, political reflection and lack of managerial experience on a national scale. It is concluded that, with the popular approval of the February revolution's beginnings and the popularity of a number of its leaders, in General, the state power, having become legal, did not acquire the necessary degree of legitimacy to enlist the support of the masses to successfully resist its invaders.

Ключевые слова: партии демократического социализма, государство, большевики, революция, власть.

Keywords: democratic socialism parties, state, Bolsheviks, revolution, power.

Введение

Актуальность проблемы, поставленной в настоящей статье, обусловлена тем, что в общественно-политической реальности всегда весьма велик элемент внезапности, случайности и субъективизма. Сегодняшний день не составляет исключения. От кардинальных изменений в политической системе под влиянием различных факторов — предсказуемых и непредсказуемых — теоретически не застраховано ни одно государство, даже самое благополучное. Для государственных систем с не самой высокой степенью надежности ожидание, переживание и затем осмысление резких политических перемен — явление хорошо знакомое и привычное. Россия в этом смысле — классический пример катастрофизма темпа и ритма общественно-исторического процесса, где относительно спокойные периоды поступательного, эволюционного развития всегда были коротки и перемежались с частыми, бурными этапами революционных сломов социальной и государственной системы. Пожалуй, ни одно поколение (имеются в виду люди, дожившие до зрелых лет), не может сказать, что на его памяти в стране не произошло ни одного события, потрясшего страну, изменившего ее внешний и внутренний облик, получившего широчайший международный резонанс, качественно повлиявшего на жизнь населения и его общественное мнение. При этом характер политической культуры и политическая психология в стране оставались, при всей калейдоскопической пестроте событий XX века, довольно устойчивыми, прогнозируемыми. Осенью 1917 г. большевики ловко воспользовались этой ментально-психологической стабильностью в борьбе за власть, воздействуя на массовое сознание самых подвижных социальных элементов средствами пропаганды и, в еще большей степени, агитации, фактически осуществляя то, что сейчас называется связями с общественностью. Их целевой аудиторией был, по метафорической оценке политических противников, не демос, а плебс. Они находили нужные слова, подходящую тональность призывов, не рефлексировали по поводу несбыточности многих обещаний и имели успех у

наиболее раздраженных жизнью, наименее образованных слоев населения, исчислявшихся в России миллионами. На подобную целевую группу в первую очередь рассчитывают возмутители общественного спокойствия во все времена; не составляет исключения и XXI век. Поэтому исследование поведения российских социалистов-демократов после большевистского переворота может показать типичную реакцию общественных деятелей, искренне болевших за судьбу страны и работавших на ее благо не жалея сил, но не сумевших объективно оценить все политические риски, преувеличив опасность одних (реакции правых сил) и недооценив опасность других (леворадикальных), не проявивших в ответственный момент солидарности и воли к власти. Этот опыт, многократно переосмысленный русскими демократами впоследствии, не может не быть полезен и сегодня, поскольку, при всех внешних различиях характера российских системных потрясений, глубинные причины их, как правило, схожи — материальное неблагополучие, социальное неравенство, непрофессионализм и злоупотребление властью управленческого аппарата, огромная дистанция между властью и населением, отсутствие не провозглашенных, а реальных, действующих гражданских прав и свобод.

Новизна работы состоит в проведении анализа ряда документов, ранее не представленных в исторической литературе, и обобщении основных идей, высказанных по поводу октябрьского переворота и его первых последствий, так сказать, «по свежим следам», представителями лагеря демократического социализма — разных партий. Цель статьи — выявление общего и особенного в отношении к октябрьскому перевороту у меньшевиков, эсеров и народных социалистов.

Материал и методы исследования

Объектом данного исследования являются ведущие партии российского демократического социализма первой четверти XX века: социалисты-революционеры, народные социалисты и меньшевики.

Предмет исследования — оперативная реакция лидеров и идеологов этих партий на Октябрьский переворот 1917 г., оценка ими характера большевизма и приемов воздействия большевиков на массовое народное сознание.

Основные методы исследования:

–компаративный (сопоставлены взгляды представителей партий эсеров, меньшевиков и народных социалистов на Октябрьский переворот как политической событие, характер большевизма, первые шаги большевиков у руля государственной власти);

–обобщение (выявлены общие принципы этих взглядов);

–метод дедукции (от анализа общих мнений и оценок производится переход к освещению взглядов представителей различных партий, с их идеологическими и тактическими нюансами, на большевизм и его специфику);

–метод исторической персонификации (выделены деятели, внесшие наиболее существенный вклад в обсуждение данной проблемы).

Результаты и обсуждение

Октябрьский переворот застал демократические силы России врасплох. Первоначально он был воспринят современниками как событие парадоксальное, случайное и преходящее — словом, досадное недоразумение. Н. Н. Суханов упоминает, что 26 октября Н. Д. Авксентьев, В. Д. Набоков и А. В. Пешехонов от президиума Предпарламента посетили британского посла Джорджа Бьюкенена и принесли извинения за случившуюся «неприятность» [1, с. 347]. В то же время переворот был сразу оценен как «акт преступный» [2, с. 70].

«Октябрьскую революцию встретил/встретила враждебно» — одна из самых распространенных фраз в советской исторической литературе, прояснявшая отношение всех небольшевистских партий и деятелей к этому событию. «Большевистская затея казалась столь ... объективно обреченной на провал не сегодня, так завтра, что, задумываясь о завтрашнем, мысль парализовала волю сегодняшнего дня» [3, с. 320], — писал впоследствии один из активных деятелей Февральской революции, апологет ее замыслов и начинаний (но, увы, не результатов) М. В. Вишняк.

Произошедшее вызвало тем больший шок в демократических кругах, что многие деятели левых и центристских партий вынуждены были признать себя несостоятельными стратегами и прогнозистами. Все их опасения по поводу дела революции были связаны с ожиданием реакции справа — военной диктатуры или даже реставрации монархии, и никому вплоть до самого большевистского переворота не могло прийти в голову, что угроза российской демократии кроется в действиях организации, провозглашающей себя социалистической, и занимающей крайне левую позицию в политическом спектре страны.

В номере меньшевистской газеты «День», вышедшем 24 октября — непосредственно накануне Октябрьского переворота, выражалось возмущение тем, что, хотя ни для кого не был секретом присущий большевикам экстремизм, а подготовка последними вооруженного восстания шла вполне открыто, российская демократия упорно вела себя так, будто большевиков не существует [4]. «День» утверждал, что демократические силы должны были как минимум насторожиться демаршем большевиков, 5(18) октября покинувших Предпарламент (фракция РСДРП (б) составляла 58 человек) [5].

Этой акцией, сопровождаемой словами о «правительстве народной измены» и «Совете контрреволюционного попустительства» [3, с. 309], с которыми они не желают иметь ничего общего, большевики продемонстрировали свой разрыв с прочими социалистическими партиями в борьбе за передачу власти Советам. Марксист Н. В. Вольский-Валентинов (до 1905 г он был большевиком, затем перешел к меньшевикам, а летом 1917 г. ушел и оттуда) в молодые годы близко знал Ленина как политика и как человека. Он подчеркивал, что Ленин — лидер исключительно авторитарного склада, на которого не действуют никакие «цивилизованные» политические меры, для которого «цель оправдывает средства», а честная политическая конкуренция — пустопорожняя демагогия, атрибут слабости и интеллигентской мягкотелости. Все это Ленин искренне презирал и заражал подобным настроением соратников по партии, широко используя при этом свой беспрекословный интеллектуальный и волевой авторитет в левомарксистских кругах. Валентинов был убежден, что большевистский переворот стал возможен только из-за неспособности Временного правительства ответить большевикам и их вождю на их незаконный акт силой, которая могла бы внушить им уважение, но, главное, он произошел из-за отсутствия у власти решимости провести смелые государственные мероприятия (сепаратный мир, передачу земли крестьянам и т. д.), «которые... предохранили бы страну от Октябрьской революции» [2, с. 70]. «Октябрьская, так называемая «социалистическая» революция, отняла у народа все завоеванные им свободы и права» [6, с. 143], — категорически заявлял Д. Н. Шуб, некогда меньшевик, находившийся с 1908 г. в эмиграции в США, но живо интересовавшийся всем тем, что происходило на родине.

В ночь на 26 октября в Петрограде был создан Всероссийский комитет спасения родины и революции (в упрощенном виде — Комитет спасения), куда вошли представители Городской думы, Предпарламента, прежних составов исполкомов Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов, фракций меньшевиков и эсеров 2-го Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов (которые покинули съезд в

знак протеста против свержения Временного правительства), железнодорожного (Викжель) и почтово-телеграфного союзов, центральных комитетов партий эсеров, меньшевиков, народных социалистов, группы «Единство», делегаты Центрального исполнительного комитета военного флота и других политических организаций (1, л. 12). 26 октября Комитетом спасения по всей стране было разослано воззвание, адресованное органам местного самоуправления, такого содержания:

«...Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения Родины и Революции... взял на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силу демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от анархии и контрреволюции. Комитет Спасения призывает не признавать власти насильников и не исполнять их распоряжений...» (1, л. 12). Власти и самоуправление на местах моментально отреагировали на этот призыв, в ответных посланиях заверив Комитет Спасения в своей поддержке. Письма и телеграммы были выполнены в духе той, что была послана Московской городской думой за подписью городского головы, правого эсера В. Руднева: «Московская городская дума признала действия большевистских частей столичных советов, направленных против Временного правительства, угрожающими созыву Учредительного собрания, ослабляющими фронт и открывающими дорогу контрреволюции» (1, л. 13). Всеми российскими социалистами-демократами и либералами было единогласно решено, что мятеж большевиков не только подвергает смертельному удару делу обороны и тем самым отодвигает всеми желанный мир, но и грозит сорвать Учредительное собрание, которое должно окончательно узаконить в России республиканский строй и навсегда решить в пользу народа земельный вопрос.

Петроградская городская дума инициировала созыв Совещания представителей городских самоуправлений. Подобно Комитету спасения, этот форум оценил сложившуюся политическую ситуацию как начало гражданской войны, вина за развязывание которой полностью лежит на большевиках. Однако информационная экспансия, поднимавшаяся в антибольшевистском лагере стараниями вышеупомянутых организаций, отнюдь не обескуражила новых обладателей власти, поэтому для пропагандистского противодействия необходимо было максимально подключать общественные организации всех уровней, оппозиционную прессу, лидеров мнений. Сценарий работы антибольшевистской общественности был примерно такой, как на чрезвычайном заседании Воронежской городской думы 28 октября. Проверялись списки прибывших гласных, «в порядке осведомления», заслушивались телеграммы, полученные губернским комиссаром, городским головой и пр., в связи с происходившими в последние дни в Петрограде и других местностях политическими событиями. Сохранившийся проект декларации, составленный на этом заседании, передавал настроение основной массы демократически настроенных активистов относительно благополучной черноземной провинции: глубочайшее возмущение, которое встретила «безумная попытка большевистских организаций Петрограда в дни необычайно тяжелого военного политического и хозяйственного положения страны» (1, л. 8), поднять восстание против демократических органов России – Временного правительства и Совета Республики. Документ подчеркивал, что большевики пошли на этот шаг, не считаясь с волей Центральных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фронтовых организаций, Петроградской городской думы и широких слоев населения. Ситуацию усугубляло то, что переворот произошел за две недели до Всероссийского Учредительного собрания, события, к которому готовилась вся демократическая Россия, и которое должно было в легальном и легитимном порядке определить политическую систему государства, разрешить наиболее актуальные вопросы народной жизни, в том числе наиболее

болезненный из них — земельный вопрос. Срывая проведение Учредительного собрания, ослепленные или продажные люди, пошедшие на поводу у узурпаторов, «разрывают единство фронта русской демократии и открывают тем дорогу для контрреволюционных авантюристов и реакционных нападений на завоеванную свободу» (1, лл. 9–10). В заключительной части декларации сказано о последовательной борьбе, которую городская Дума намерена решительно вести против любых попыток захвата власти, откуда бы они ни исходили, об охране нормального хода городской жизни и недопущении никаких нарушений порядка. Главной своей задачей орган городской власти ставил безболезненное доведение города «до момента ликвидации преступной авантюры» (1, л. 10).

Как и большинство учреждений и объединений, созданных в насыщенном самыми невероятными для России политическими событиями 1917 году, Комитет Спасения оказался недолговечным, предприняв неудачную попытку восстания и уступив место новым весьма «летучим» антибольшевистским организациям российских демократов. Настроения в демократических рядах конца осени 1917 г. были прямо противоположны тем, что наблюдались в начале весны. В марте царил всеобщее воодушевление, жажда бурной деятельности по созиданию новой, прогрессивной, «своей» России, ожидание перемен к лучшему. В октябре и ноябре появились подавленность, растерянность, разочарование, озлобление не только на узурпаторов власти, но и на собственное бессилие, непонимание, как можно спасти столь хорошо начатое, но, похоже, уже проигранное дело российской демократической революции. Ни у кого не было конкретных планов по борьбе с большевистским засильем; не прибавилось организационного единства и в самих социалистических рядах: напротив, там набирали обороты деструктивные процессы, что вполне естественно на фоне морального упадка. Все эти чувства нашли отражение в документальных источниках, относящихся к описываемому периоду и более позднему времени.

Партийные издания поначалу были менее категоричны, чем официальные резолюции органов «старой» власти и местного самоуправления. Так, орган партии социалистов-революционеров «Дело народа» 3 ноября заявил о том, что партии нужно не бороться с теми рабочими и солдатами, которые вследствие заблуждения «временно идут за большевиками», а как можно скорее разоблачить большевизм, раскрыв народным массам всю его внутреннюю ложь. Между тем большевики, наоборот, не проявляли никакого снисхождения к тем представителям трудового народа, что отказывались поддержать «красное дело».

Трудовая народно-социалистическая партия, воссозданная путем объединения народных социалистов и трудовиков 22 июня 1917 г. после нескольких лет пребывания в состоянии организационного анабиоза (в 1907–1915 гг. ее деятельность как открытой политической организации не была возможной, а нелегальную арену энесы не признавали), в последней декаде сентября собралась на свой второй съезд. На нем была четко обозначена политическая позиция партии относительно возможных союзников в деле развития революционных начинаний, ожидаемых угроз со стороны противников демократии. Очевидно, что умеренные социалисты трезво оценивали расстановку сил, но не совсем удачно определили свои приоритеты. Так, про крайней мере, считали либералы — кадеты, расценивавшие легальных народников как своих ближайших политических соседей, поскольку после Февраля правее Партии народной свободы влиятельных политических сил фактически уже не оставалось; следом за кадетами — чуть левее их — логически оказывались как раз народные социалисты. По мнению П. Н. Милюкова, во время предвыборной кампании во Всероссийское Учредительное собрание ТНСП просчиталась в том, что хотела дистанцироваться от кадетов, чтобы не быть отверженной в глазах других

социалистов, хотя ее позиция относительно войны, задач политического устройства страны, воспитания правового сознания народа была наиболее близка именно кадетской. В то же время энесы уже тогда заявляли, что они не считают большевиков социалистами, поскольку те признают лишь один метод политического воздействия — насилие.

4 ноября петроградская «Вечерняя почта» поместила «эксклюзивное» интервью лидера Трудовой народно-социалистической партии А. В. Пешехонова с оценкой обстановки в России и действий Комитета спасения. Говоря о причинах его неудачи, экс-министр назвал прежде всего присоединение к комитету меньшевиков-интернационалистов и некоторых национальных социалистических партий, хотя и ушедших со Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, но по своей психологии и тактике близких к большевикам. В результате вместо борьбы с большевиками в самом комитете началась борьба против кадетов и других цензовиков, дабы не уйти чересчур далеко от большевиков, которые-де «владеют массами». Негативно он оценивал и «соглашательскую» кампанию Викжеля по восстановлению «единого фронта демократии», которая свелась к разговорам. Пешехонов подкрепил это такими цифрами: в первый день Комитет спасения послал в воинские части и на заводы 120 агитаторов, во второй — 70, в третий — 20, в четвертый — ни одного. Еще одной причиной он считал «внутренний большевизм», разъедавший партии эсеров и меньшевиков, раздроблявший их силы. Народник отметил, что есть «лишь один путь: сближение партий и частей их, не зараженных большевизмом или успевших избавиться от этой язвы, для общей и дружной борьбы за спасение родины и революции, что возможно лишь на почве государственности» [8, с. 135-136].

От руководства Трудовой народно-социалистической партии новая обстановка потребовала четких партийных директив и оценки текущего политического момента. ЦК ТНСП единогласно принял ряд таких резолюций, опубликованных в центральном органе — газете «Народный социалист». ЦК ТНСП протестовал против ареста большевиками министров Временного правительства, не принадлежавших к социалистическим партиям, квалифицировав это как грубейший произвол, как ничем не прикрытое преследование своих политических противников за их убеждения [9]. ЦК постановил не вступать ни в какие переговоры с захватчиками власти, пока всем министрам не будет возвращена свобода.

Еще более жесткую позицию заняли некоторые региональные комитеты партии. 4 ноября Московский комитет единогласно признал незаконной власть Совнаркома и объявил новую тактику в отношении большевиков: борьба всеми средствами и всеми путями. Единственно законными органами власти в России признавались Временное правительство, а на местах — городские думы и земства, как избранные всеобщей подачей голосов.

Многие видные деятели российского демократического социализма активно участвовали в разных антибольшевистских акциях, в митингах и собраниях, имея, по свидетельству прессы, несомненный ораторский успех [10]. Подобные массовые мероприятия устраивались и союзом писателей. На одном из подобных митингов Пешехонов заявил, что наладить государственную власть в стране можно лишь двумя путями: либо оружием, либо словом. Весь народ нельзя подкупить, но его можно обмануть, и большевики широко использовали последнее средство в деле укрепления своих властных позиций. Разоблачить этот обман могла бы свободная печать, и во избежание разоблачения большевики повели с ней борьбу. «Чем больше и дольше будут зажимать печати рот, — предупреждал Пешехонов, — тем больше прольется крови при дальнейших попытках наладить государственную жизнь и при самом ее налаживании» [10]. В заключение старый публицист-народник, широко известный самым разным общественным кругам своими произведениями, заявил, что как литератор признает слово главным орудием борьбы. Но оно

действенно, как показывает практика, увы, не всегда: например, «по отношению к лицам, засевающим в Смольном», считал он, «без оружия не обойдется, ибо этих лиц словом не прошибешь. Для них, как и для насильников царского режима, требуются более сильные средства и меры» [10].

Октябрьский переворот даже с точки зрения последовательного, классического марксизма никак не тянул на «звание» социалистической революции: в России не созрели ни экономические предпосылки, ни людские ресурсы для установления диктатуры пролетариата. Поэтому переворот дружно оценивался оппонентами большевиков лишь как незаконный захват власти. По общему мнению умеренных социалистов, новоявленная «диктатура пролетариата» к рабочему классу имела самое минимальное отношение, являясь на самом деле диктатурой небольшой группки, прикрывающей свои действия именем рабочих и крестьян [11, с. 80]. Лидер эсеров В. М. Чернов также с крайним возмущением отнесся к большевистской узурпаторской акции, однако выступал против примитивизации взглядов на характер октябрьских событий. Он считал, что, абсолютно не располагая влиянием в некоторых кругах рабочих и крестьян и рассчитывая исключительно на люмпенов, большевики своей цели достичь бы не сумели. За месяц до октябрьских событий он на страницах партийной газеты «Дело народа» констатировал факт роста влияния большевизма на заводах, в советах рабочих депутатов, органах местного самоуправления. При этом популярность других социалистических партий, как и их периодики, заметно шла вниз. Чернов впоследствии неоднократно давал понять, что, по его мнению, гипертрофированное разрастание эсеровских рядов за счет разнородных, нередко случайных элементов далеко не во всем принесло партии пользу. Привычный авторитет эсеров как самоотверженных борцов и мучеников в борьбе с деспотизмом размывался приходом людей, не имевших к «подвижническому» эсерству почти никакого отношения. «...Если бы в 1917 году наша партия не поскользнулась на апельсиновой корке керенщины и осталась достойной своих начальных боевых заветов, сколько внесла бы она освежающего и обновляющего в мировое социалистическое движение!» (2, л. 31–31об.) — писал Чернов уже в 1933 году Н. С. Русанову, одному из старейших и уважаемых народнических деятелей. С тем, что Февральская революция давала предпосылки для скорого построения в стране настоящего демократического общества, был согласен и меньшевик И. Г. Церетели. Однако «политические партии, получив так много доказательств доверия со стороны подавляющего большинства населения, выказали бы так мало склонности встать у власти» [12, с. 221]. Здесь имелись в виду в первую очередь эсеры, во вторую — товарищи по его собственной партии, меньшевики. В результате правительство оказалось оторванным от партийных сред — как организационных структур, так и живых людей — последователей, которые должны были явиться источником его силы.

Эсеры осознавали, что в поддержке большевистскому восстанию выразился протест населения против нескончаемой войны, принесшей «конвульсию народно-хозяйственного организма» [13, с. 122] и тысячи человеческих жертв. Все это делало массу более податливой влиянию идеологии (точнее, призывам) организации, уверенно обещавшей блага, за которые долго и не особенно успешно бились популярные социалистические партии. Предлагаемый ими долгий и многоэтапный путь к социализму казался теперь лукавой демагогией неудачников, не сумевших воспользоваться огромными возможностями, оказавшимися после Февраля в их руках. «Словечками о коммунизмах уже прикрывалась порнография и революционные знамена уже захватывала своими грязными лапами обыкновенная уголовщина» [14, с. 242], — с горечью отмечал народный социалист А. Б. Петрищев. Однако народ с готовностью вдохновлялся патетикой, призывавшей не к созиданию, а к разрушению:

«бей», «круши», «долгой...», «смерть...» и пр., не сомневаясь, что все эти действия ведут прямоком в царство коммунизма.

Настроения, которые разжигали и которыми воспользовались большевики, были охарактеризованы в одном из номеров «Голоса Фронта» – газеты, считавшейся левой, выступавшей в поддержку Временного правительства. Автор публикации, некий Владимир Нос, пишет, что Россию охватила психологическая волна, «разрушившая все прежние... мировоззрения, стусевавшая границы и рубежи нравственных понятий, уничтожившая чувства ценности и священности человеческой личности, жизни, труда» [15]. Все было оказалось поглощено политикой, все нравственные ценности «брошены в горнило политической борьбы», и в этой борьбе партий и классов наружу вылезла слепая, непримиримая вражда, подстрекаемая завистью и местью. В стране не осталось ни одного большого, уважаемого имени, которого бы кто-нибудь не пытался очернить и унижить, опозорить подозрением в измене, подлости, трусости, двурушничестве и пр. Не явились, по мнению автора, исключением и сами демократические лидеры, с легкостью ругавшие и дискредитировавшие друг друга. Мгновенно оказалась утрачена в обществе всякая вера в честность, искренность и порядочность; произошло некое массовое окаменение души [15]. С такой оценкой коллективной психологии российского общества был почти полностью согласен знаменитый народнический писатель В. Г. Короленко, который формально не принадлежал к политическим партиям, но на деле симпатизировал народным социалистам. Именно в эти дни, наблюдая из Полтавы за тем, что происходило в столице и провинции, заявил о «бескелетности» русской души [16, с. 219] — о безверии (будь то религиозная или моральная сторона), отсутствии убежденности, которая заставила бы человека сказать «нет» тем, кто потворствует злу. Поэтому, с горечью отмечал старый народник, бесхребетная «коллективная душа» с такой легкостью поворачивается к тому, кому в данный момент сопутствует успех, пусть даже просто демагогический: «толстолец у нас легко становится певцом максимализма, «убежденный» кадет — большевиком» [17, с. 335]. Причем последний признает, что идея большевиков лжива и образ действий далек от политически чистоплотного, однако из чисто практических соображений считает возможным перейти на сторону того, за кем пошло «большинство». Короленко сетовал, что интеллигенция, вместо того, чтобы в такой момент смело и честно раскрыть «владыке народу» глаза на политических авантюристов и их замыслы, прикрывает свое моральное отступничество от идеалов свободы и революции «сравнениями и софизмами», изменяя тем самым не только делу демократии и справедливости, но и самому народу.

С утверждением у власти большевиков очень быстро в худшую сторону изменились возможности политических партий, хотя не сразу все смогли это осознать. Дело в том, что Ленин и ленинцы, прямо-таки болезненно нетерпимо относившиеся к всякому инакомыслию (особенно со стороны социалистов, которые могли составить им конкуренцию в трактовке базовых политических категорий типа «революция», «демократия», «свобода», «диктатура пролетариата»), поняли необходимость избавиться от противников прежде всего из социалистического лагеря, не понаслышке знакомых с марксистским движением Европы, от которого теперь дистанцировались большевики. Как и многие представители европейского социализма, российские социалисты-демократы не строили свои партии по авангардному типу, не нацеливались на осуществление вооруженного переворота, отстаивали преимущества поступательного движения Российской республики по пути прогресса и демократии в сторону социализма. Необходимо было дезавуировать их программные взгляды и заслуги перед революционным движением в глазах «трудового народа», у которого еще оставалось немало уважения к меньшевикам, эсерам и даже энесам, несмотря на

непростительную нерешительность демократических социалистов в вопросах «земли», «мира» и власти в период от Февраля к Октябрю. Вспоминая прежние упреки в адрес народных социалистов за их неперемное желание вести исключительно открытую деятельность, А. В. Пешехонов сразу после Октябрьского переворота, не предполагая, какой облик примет в ближайшее время политическая конъюнктура, заявил о том, его настораживает готовность некоторых активистов партии социалистов-революционеров вновь уйти в подполье. «Психологически это, конечно, понятно, но политически – это чрезвычайно опасно, это значило бы поступиться одним из важнейших завоеваний революции» [18, с. 330]. Эти слова показывают, что народник не ожидал от большевиков моментального разворота прочь от курса Февральской революции. По твердому убеждению лидера народных социалистов, признававшего лишь открытую политическую деятельность, социалистические партии в любых условиях «должны изо всех сил отстаивать свое право на открытое существование» [18, с. 330]. Вскоре, однако, стало понятно, что даже сама постановка вопроса о выборе формы деятельности меньшевистских партий лишь умозрительна.

Надо отметить, что большевики не сразу «закусили удила» в истреблении «ересей» в социализме (а «ересями» они могли счесть всякое отклонение от их упрощенного варианта марксизма или неприятие их собственных методов деятельности: мол, кто не с нами — тот против нас). По мнению Д. Павлова, на первых порах большевики считались с общностью в основах идеологии (это касалось прежде всего меньшевиков, позиционировавших себя как пролетарская партия). Ряды большевиков пополнялись новыми яркими деятелями, перешедшими из других социалистических партий, преимущественно из меньшевиков (Троцкий, Луначарский, Киров, Чичерин и др.). У эсеров был большой авторитет в демократических слоях и колоссальный опыт общения с «народом», а также международная известность, которые пока нельзя было игнорировать неустойчивой новой власти. Поэтому основные социалистические партии (левые и правые эсеры, народные социалисты, меньшевики, эсеры–максималисты) просуществовали до конца гражданской войны [19, с. 4–5]. Но большевики четко понимали, что именно социалистическая оппозиция для правящей партии представляет гораздо большую опасность, чем возрождение «белой альтернативы», так как последняя с конца 1920 г. в России была не более чем эфемерна, а вот основания бояться синтеза опыта революционных партий и недовольства различных общественных слоев в 1921–22 гг. [20, с. 25] были еще довольно серьезны.

Несмотря на условную терпимость еще недостаточно окрепшей власти к социалистам-не большевикам, последним фактически с первых послеоктябрьских месяцев была отведена роль внутренних эмигрантов. Они находились под подозрением, подвергались обыскам и арестам. При этом у них сразу появилась возможность сравнить и характер правосудия, и условия содержания заключенных в большевистских и царских тюрьмах. Ю. Емельянов рассказывает о С. П. Мельгунове: «Вспоминая о тех днях и делаясь впечатлениями с бывшими политическими заключенными, он с грустью писал о царской тюрьме, о которой политическим заключенным теперь остается вспоминать почти с радостным чувством» [21, с. 52]. Сам Мельгунов с осени 1918 г. буквально кочевал из тюрьмы на свободу и обратно, причем спасало его исключительно вмешательство «ручавшихся за него» влиятельных лиц: Дауге, Бонч-Бруевича, Подбельского, Короленко, Кропоткина, Фигнер и других. В. А. Мякотин также имел возможность оценить преимущества отсидок «за крамолу» в царской крепости и советской тюрьме. Мякотин и Мельгунов арестовывались хотя бы «за политику», а вот А. В. Пешехонов в августе 1918 г. попал в «чеку» «по недоразумению», будучи арестован на своей московской даче, неподалеку от которой накануне произошел взрыв. Уже в эмиграции Пешехонов поделился впечатлениями о пребывании в советской

тюрьме. По его словам, в общей камере на нарах помещалось около 60 человек; в некоторые дни число несчастных достигало 150. Главным занятием заключенных была ловля насекомых, водившихся в антисанитарных условиях «без числа». Каждый старался выяснить или догадаться, за что же он попал: большинство пребывало в безвестности относительно характера своего «преступления». Публика была самая разношерстная, и, по мнению Пешехонова, с таким же успехом можно было бы наобум набрать сотню-другую на улице — процент действительных контрреволюционеров и спекулянтов оказался бы примерно тем же. Среди узников «чеки» заметно выделялись из общей массы большевики, державшие себя очень развязно и нахально. Почти все они обвинялись в преступлениях по должности — совершали мелкие мошенничества на своих постах, и представители этой категории были уверены, что им-то ничего не грозит в силу их привилегированной партийной принадлежности. Бытовые условия советской тюрьмы были отвратительны [22, с. 210–211]. Пешехонов был освобожден из тюрьмы после трехнедельной отсидки по ходатайству Демьяна Бедного.

Таких примеров можно привести много. Арестовывались в качестве заложников родственники опасных для большевизма политических фигур: так, была арестована вторая жена В. М. Чернова О. Е. Колбасина с тремя дочерьми, младшей из которых было 10 лет [23]. Чернов, находившийся в то время на нелегальном положении, написал открытое письмо Ленину, и тот поспешил освободить арестанток, дабы «прекратить этот отвратительный скандал, который могут использовать за границей в раздувании антибольшевистской пропаганды» [24, с. 288]. Неоднократно имел возможность испытать на себе особенности советского тюремного быта и активный член ПСР, знаменитый социолог П. А. Сорокин.

Правый эсер М. В. Вишняк даже в 1919–20 гг. еще не желал верить в окончательный крах демократических начинаний Февральской революции, поскольку видел в них, как и многие его соратники, задел настоящей, универсальной, а не «партикулярной» демократии. По его словам, то, что характеризует главные достижения Февраля — воля «к жизни и свободе, индивидуальной и государственной», не может быть скомпрометировано «никакими дефектами эмпирического осуществления или надругательством временно восторжествовавшего Октября» [25, с. 247]. По мнению Вишняка, в большевистском перевороте косвенно и, конечно, не подозревая о возможных последствиях своего поспешного и малоподготовленного акта, был более всего виноват... генерал Корнилов, поскольку его неудачное выступление «вызвало бешеный прилив энергии и решимости у Ленина и его ближайшего окружения» [3, с. 304]. Именно с корниловского восстания и началась, по оценке правого эсера, «агония Февраля». Руководители же Февральской революции были также виноваты в том, что собственноручно похоронили свои прогрессивные начинания: «переоценив угрозу со стороны Корнилова, они недооценили угрозы со стороны Ленина». Этот тезис, как можно увидеть, звучал из уст многих соратников Вишняка по демосоциалистическому лагерю [3, с. 305].

Неудачи Февраля М. В. Вишняк объяснял и причинами чисто психофизиологического характера — это сейчас называют «человеческим фактором». В 1917 г. у подвижников демократической революции жизнь шла в бешеном ритме, на износ. Год был, по его словам, ненормальным не только в общественном, но и личном плане для тех, кто так или иначе оказался причастным к текущим событиям. Уже тогда неоднократно говорилось, что «Февраль не мог кончиться добром, когда те, кто его «делали», не ели, недосыпали, всюду спешили и всегда запаздывали, все импровизировали, потому что не имели досуга как следует продумать» [3, с. 296]. Деятели Февраля, при самых лучших намерениях, оказались бессильны политически, потому что элементарно изнемогали физически. Однако этот факт

впоследствии акторы Февральской революции отказывались принимать за самооправдание, что делает честь их гражданскому мужеству.

Политику большевиков Вишняк оценивал как «варварскую форму прогресса» — скользкий путь, свойственный деспотиям, ведущий к неизбежной гибели их власти. В. М. Чернов отмечал: суть большевизма заключается в том, что Ленин и его товарищи пробуют загнать Россию в коммунистический рай «дубинкой Петра Великого» [26, с. 279]. Ленинский курс оба оценивали как «декретный социализм», «революционный абсолютизм», не имеющий ничего общего с логикой массового движения. Только в такой стране многовекового абсолютизма, как Россия, по мнению эсеровских идеологов, оказалось возможным насадить «абстрактно-аракчеевскую схему диктатуры над пролетариатом и от его имени над всей страной» [26, с. 280].

Итак, в первые дни и недели после Октябрьского переворота позиции сил демократического социализма в России по поводу этого события можно назвать общими, но агрегировались они не сразу, а артикулировались довольно разрозненно. Объяснением этому может послужить вполне понятная растерянность: те, кому власть должна была принадлежать (и некоторое время принадлежала — в первую очередь эсеры) не сумели обернуть ее в пользу революции и демократии, а те, кого не принимали в серьезный политический расчет, взяли и удерживали ее. У партий демократического социализма не было достаточного опыта достижения межпартийных компромиссов по ключевым текущим и перспективным вопросам в совместной государственно-управленческой деятельности. Несколько революционных месяцев весны — осени 1917 г. для получения такого опыта было явно недостаточно. Осознание этого недостатка пришло к эсерам, народным социалистам, меньшевикам довольно быстро, но поделаться уже ничего оказалось нельзя. Справедливости ради следует отметить, что и откровенных сожалений по поводу отсутствия полного взаимопонимания между социалистами никто, по сути, не высказывал, выдвигая политические, партийные принципы в качестве основных в ущерб общегосударственным интересам. Объединению, блокированию, согласованию интересов всегда мешало какое-либо либо идеологическое, программное или тактическое различие (например: кадеты — демократы, но не социалисты, поэтому интеграция с ними нежелательна; меньшевики — социалисты, но марксисты, а эсеры и энесы — народники; у меньшевиков и эсеров в партиях много интернационалистов, а позиция по войне — одна из первостепенных для определения магистральной политической линии партии; эсеровские ряды включают, помимо умеренных и здравомыслящих членов, еще и левых, настроенных пробольшевицки, и такое организационное единство не дает морального права либеральным народникам заключать союз с партией в целом; трудовики, которых удалось заполучить в партию спустя 10 лет, не примут аграрной программы ни эсеров, ни кадетов, а ими рисковать нельзя и пр.).

Конфликтолог Р. Даль, классифицируя социальные конфликты, предложил такую типологию: конфликты, ведущие к поляризации и ведущие к сегментации — в зависимости от степени антагонизма участников. При этом под поляризацией понимается глубокий раскол общества на две антагонистические группы, конфликт между которыми невозможно разрешить мирными средствами (гражданская война, государственный переворот и пр.). Это как раз то, что произошло в результате большевистского переворота в России — со всеми вытекающими последствиями: общество расколосось на два лагеря, привычно называемые «красными» и «белыми». Российское общество никогда не отличалось устойчивостью, а война свела на нет всякие попытки царской, а затем и революционной власти достичь хоть какой-то стабильности в социально-экономической и политической сферах. Политические конфликты, характерные для подобных «взрывоопасных» социумов — конфликты

ценностей. Они трудноразрешимы из-за малого количества точек соприкосновения соперничающих сторон, девиз которых — «или–или».

Под сегментацией Даль понимал дробление общества на ряд слоев и групп с различными интересами и запросами, но при всех их конфликтах целостность общества незыблема, социум стабилен, а борьба ведется цивилизованными средствами — путем переговоров, консультаций, взаимных уступок. Тип политического конфликта, свойственный высокоустойчивому обществу — конфликт интересов. Политической нормой являются конфликты типа «торга» — борьба вокруг социально значимых вопросов: например, земельной реформы, налогообложения, объема и качества социального обеспечения и т.п. Политические силы, ведущие подобный «торг», не настроены на конфронтацию, их интересы и цели не антагонистичны, а разнятся в деталях, методах достижения, фигурах своих лидеров и их риторике. Такой тип конфликта легко поддается урегулированию путем компромиссов. Такова обычная конкурентная борьба в экономике, политике в гражданском обществе. История, как известно, не принимает формулировки «если бы», однако, при условии эффективного взаимодействия демосоциалистических сил в пору Великой Российской революции, вероятно, этот ход общественного развития, непривычный для нашего государства всех предыдущих эпох, стал бы возможен.

В заключение можно привести слова А. Ф. Керенского, сказанные спустя много лет после октября 1917 г., когда стало возможным давать не скоропалительные эмоциональные оценки, а делать глубокие выводы, выстраданные долголетним опытом отдельных людей и, увы, всей России: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность... социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений... Там, где «партийные интересы» не уступают дороги интересам общественным и национальным, нечего ждать ни цивилизации, ни реального прогресса» [27, с. 370]. Слова эти в полной мере относятся к характеристике сущности советской власти, которая права личности и свободу декларировала только на словах, а в крайних случаях (совсем не редких) призывала граждан «временно» поступиться ими во имя *общей* цели (победы пролетариата, борьбы против внутренних врагов, строительства светлого будущего и пр.). Но в определенной степени вторую часть этой цитаты можно применить и к оценке поведения партий демократического социализма накануне большевистского переворота: партийные интересы не уступили место общедемократическим, общенациональным, чисто партийное упрямство господствовало над желанием продолжить революционные начинания и закрепить их успех. Межпартийный (а нередко и внутрипартийный) разлад не мог не сыграть негативной роли в судьбе демократической России как государства: при всенародном одобрении начинаний Февральской революции и популярности ряда ее вождей, в целом государственная власть, став легальной, не обрела должной степени легитимности, чтобы заручиться поддержкой масс для успешного противостояния ее захватчикам.

Заключение

Вторая половина XX века стала для многих представителей социалистической идеологии временем отказа от привычного исторического детерминизма и признания, что продвижение к обществу демократии и социализма зависит от ценностных установок, воли и усилий людей [28, с. 146] больше, чем от внешних факторов. Причин поражения демократии в России в 1917 г., и объективных, и субъективных, было очень много, но горький опыт российского демократического социализма, упустившего в большой степени по собственной воле созидательные возможности из своих рук, должен служить напоминанием для всех

поборников прогресса и демократии в России: без единства, желания достичь согласия, без умения отделять главное для государства и его населения в целом от второстепенного, частно-идеологического, успешное поступательное развитие гражданского общества и сильного, суверенного государства невозможно.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №19-09-00059А.

Источники:

- (1). Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-218. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-14.
- (2). РГБ. НИОР. Ф. 678. Карт. 3. Д. 40. Лл. 5-31.

Список литературы:

1. Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3-х т. Т. 2-3. М.: Республика, 1991. 1030 с.
2. Валентинов Н. В. (Вольский Н.) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М.: Современник, 1991. 367 с.
3. Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 414 с.
4. День. 1917. 24 октября.
5. Предпарламент. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/45894/>
6. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х - 1920-х гг.): сб. ст. Нью-Йорк: Издание «Нового журнала», 1969. 400 с.
7. Комитет спасения Родины и Революции. <https://clck.ru/NUVJg>
8. Протасова О. Л. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
9. Народный социалист. 1917, 7 ноября.
10. Неумолчное слово. 1917. 29 ноября.
11. Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина. 1994. №10. С. 76-81.
12. Церетели И. Г. Кризис власти. М.: Луч, 1992. 263 с.
13. Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М.: РОССПЭН, 2009. 383 с.
14. Петрищев А. Б. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. №4-5. С. 236-248.
15. Голос фронта. 1917. 15 октября.
16. Неизданный В. Г. Короленко. Дневники и записные книжки. М.: Пашков дом, 2013. 352 с.
17. Неизданный В. Г. Короленко. Публицистика, 1917-1918: сб. ст. М.: Пашков дом, 2013. 448 с.
18. Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли // Русское богатство. 1917. №11-12. С. 327-350.
19. Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 - середина 1950-х годов. М.: РОССПЭН, 1999. 232 с.
20. Суслов А. Ю. Российские социалисты после октября 1917 г. в отечественной историографии. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 488 с.
21. Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов в России и эмиграции. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 350 с.
22. Пешехонов А. В. Перед красным террором // На чужой стороне. Берлин, 1923. №2. С. 200-220.

23. Воля России. 1920. 13 сентября.
24. «Мы, русские, другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920-1941. Саратов, 2014. 411 с.
25. Вишняк М. В. Два пути: Февраль и Октябрь. Париж: Современные записки, 1931. 285 с.
26. Публицистика русского зарубежья: сб. ст. М.: Союзполиграфпром, 1999. 352 с.
27. Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М.: Центрполиграф, 2005. 383 с.
28. Работяжев Н. В. Европейская социал-демократия в поисках адаптации к меняющемуся миру // Полития. 2012. №3 (66). С. 146-167.

References:

1. Sukhanov, N. N. (1991). Zapiski o revolyutsii. V 3-kh t. T. 2-3. Moscow, 1030. (in Russian).
2. Valentinov, N. V. (Vol'skii N.) (1991). Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina. Moscow, 367. (in Russian).
3. Vishnyak, M. V. (1954). Dan' proshlomu. New York, 414. (in Russian).
4. Den'. (1917). 24 oktyabrya. (in Russian).
5. Predparlament. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/45894/>
6. Shub, D. N. (1969). Politicheskie deyateli Rossii (1850-kh - 1920-kh gg.): sb. st. New York: Izdanie "Novogo zhurnala", 400. (in Russian).
7. Komitet spaseniya Rodiny i Revolyutsii <https://clck.ru/NUVJg>
8. Protasova, O. L. (2004). A. V. Peshekhonov: Chelovek i epokha. Moscow. (in Russian).
9. Narodnyi sotsialist, (1917), 7 noyabrya. (in Russian).
10. Neumolchnoe slovo. (1917). 29 noyabrya. (in Russian).
11. Protasov, L. G., & Protasova, O. L. (1994). Narodnye sotsialisty. *Rodina*, (10), 76-81. (in Russian).
12. Tsereteli, I. G. (1992). Krizis vlasti. Moscow, 263. (in Russian).
13. Konovalova, O. V. (2009). V. M. Chernov o putyakh razvitiya Rossii. Moscow, 383. (in Russian).
14. Petrishchev, A. B. (1917). Vnutrennyaya letopis. *Russkoe bogatstvo*, (4-5), 236-248. (in Russian).
15. Golos fronta. (1917). 15 oktyabrya. (in Russian).
16. Neizdannyi V. G. Korolenko. Dnevnik i zapisnye knizhki. (2013). Moscow, 352. (in Russian).
17. Neizdannyi V. G. Korolenko. Publitsistika, 1917-1918: sb. st. (2013). Moscow, Pashkov dom, 448. (in Russian).
18. Peshekhonov, A. V. (1917). Pochemu my togda ushli. *Russkoe bogatstvo*, (11-12), 327-350. (in Russian).
19. Pavlov, D. B. (1999). Bol'shevistskaya diktatura protiv sotsialistov i anarkhistov. 1917 - seredina 1950-kh godov. Moscow, 232. (in Russian).
20. Suslov, A. Yu. (2013). Rossiiskie sotsialisty posle oktyabrya 1917 g. v otechestvennoi istoriografii. Kazan, 488. (in Russian).
21. Emelyanov, Yu. N. (1998). S. P. Melgunov v Rossii i emigratsii. Moscow, 350. (in Russian).
22. Peshekhonov, A. V. (1923). Pered krasnym terrorom. Na chuzhoi storone, Berlin, (2), 200-220. (in Russian).
23. Volya Rossii. (1920). 13 sentyabrya. (in Russian).

24. “Мы, russkie, drugie, my sozdany dlya ispytaniy”. (2014). Pis'ma V. M. Chernova. 1920-1941. Saratov, 411. (in Russian).
25. Vishnyak, M. V. (1931). Dva puti: Fevral' i Oktyabr'. Paris, Sovremennye zapiski, 285. (in Russian).
26. Publitsistika russkogo zarubezh'ya: sb. st. (1999). Moscow, 352. (in Russian).
27. Kerenskii, A. F. (2005). Russkaya revolyutsiya 1917. Moscow, 383. (in Russian).
28. Rabotyzhev, N. V. (2012). Evropeiskaya sotsial-demokratiya v poiskakh adaptatsii k menyayushchemusya miru. *Politiya*, (3), 146-167. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 08.04.2020 г.*

*Принята к публикации
11.04.2020 г.*

Ссылка для цитирования:

Протасова О. Л. «Страсти по Октябрю»: реакция российского демократического социализма на большевистский переворот // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №5. С. 511-526. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/54/71>

Cite as (APA):

Protasova, O. (2020). “Passions on October”: Reaction of Russian Democratic Socialism on the Bolshevik Coup. *Bulletin of Science and Practice*, 6(5), 511-526. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/54/71>